

ПОСРЕДСТВЕННЫЙ сценарий могут спасти талантливый композитор и актеры. Посредственную пьесу тоже. Писателю ни на кого рассчитывать нельзя, только на самого себя. В связке «читатель — писатель» место для третьего исключено. Даже для эрудированного критика и умнейшего собеседника. Еще повесть или рассказ в чернильнице, еще писатель не затеял сложнейшей игры с читателем, а душу его уже глотнут сомнения: сумею ли увлечь, убедить? Всяко ведь случается. После двух-трех страниц читатель зевнет, отложит книгу в сторону, а потом и упрячет надолго в шкаф. Спросит, понравилась ли, ответит: так, морковный кофе...

Анар, как писатель, обладает счастливым даром вовлечь читателя в разговор и сделать участником событий, о которых рассказывает. Мы неожиданно оказываемся в квартире профессора Междзид Зейналы и с удивлением, смешанным со страхом, наблюдаем, как пляшет в трясущихся от волнения руках Зивар ханум телефонная трубка, а уста изрыгают хулу, которая не украсила бы и рыночную торговку. А то вдруг на совещании в кабинете руководителя большого учреждения следим за выражением лиц, в них столько деловой строгости и озабоченности, но уже интуитивно понимаем, что все это — поза, и вопросы, и ответы, и реплики имеют свой подтекст, тут идет игра, в которой есть свои ставки, свой расчет. Я слышу голоса — густой, хриплый Дадаша музальма, и его утробный смех мне режет ухо, а у Фирангиз, напротив, голос тоненький, слабый, этот голос, как и она сама, бесплотен. А потом до меня доносится скороговорка Касума, шофера, — в ней столько почтительности и преданности, он стал придатком семьи Шафизаде, ее слугой. И я, как читатель, уже втянул в эту игру, затеянную писателем. Словно тень его, я следую за ним на пляж, где произошло сближение Тахмины и Заура, и в ее комнатку, ставшую свидетелем короткой вспышки счастья, в гостиную столпа архитектуры, в кутабню, на траурный митинг, в далекий африканский город, мне хочется знать что дальше, чем все это кончится?

Вот поэтому убежден: Анару читательский интерес не прозлит. Изданный в Москве «Советским писателем» сборник «Контакт», в него вошли четыре повести — «Круг», «Шестой этаж пятиэтажного дома», «Цейтнот» и «Контакт», написанные за последние пять-шесть лет, не лежал на полках и дня. И хотя произведения эти

многим известны по журнальным и другим публикациям, сборник сразу вызвал оживленный обмен мнениями, к обладателям книги ставилась даже очередь. Не во всем, быть может, и согласны читатели с писателем, не все, скажем, его аргументы в пользу Тахмины убедят, вряд ли придется по душе и не-оторый налет сентиментальности в манере письма, и то, что в художественную

твизной жизненной позиции, которую проводит Центральный Комитет Компартии Азербайджана.

Не могу судить в масштабе всей страны, но в Баку эта книга привлекла Анару много друзей и единомышленников. Те, кто всем образом жизни своей и поступками противостоит возмущающему мещанству и обывательщине, найдут в Анаре сторонника. Узнаны, схвачены, выставлены на всеобщее осмеяние типические черты карьеризма современного толпа, окаменелости души, аморальности. Я вдруг совершенно другим глазами посмотрел на знакомого мне неуученного работника. Чистенький такой, великий, отужоженный в доisky молодой человек с вкрадчивыми манерами, он то и дело получает диктейские пинки и зубобочины, а со стези своей не сходит. Да ведь это же анаровский Фуад-маленький. И черт Заура в нем есть немало. Даже совпадает то, что в свое время полюбил красавицу, по ком вздыхал весь институтский курс, а в мужья

ленил, когда даже умные, не лишенные способности люди, всю силу ума своего и способности направляют на то, чтобы взойти на административный пьедестал. Вот уж поистине суета сует!

Спешу оговориться, в самом этом понятии «руководящий работник» нет, разумеется, ничего уничтожительного. На таком человеке и ответственности больше и спрос с него особый. Тут требуется и мудрость, и зрелость суждений, и широта взглядов, наконец, способность выдерживать нечеловеческие нагрузки — физические, психические. В данном случае Анар ведет речь о тех, кто занял руководящее кресло, не имея для этого ни морального, ни профессионального права. Карьеризм в его снятом виде, как это продемонстрировано на примере Фуада Мехтиева, не только глубоко безнравственен, он антисоциален. И это очень хорошо, что тщетность таких усилий, аморальность самой идеи карьеризма Анар показывает на примере человека, в котором изначально были изложены черты честности, порядочности. Ведь Фуад мечтал в свое время сделать свой город еще красивей и лучше. У него однажды хватило даже смелости выступить против отживших тенденций в архитектуре, которые утверждал в свое время маститый ученый.

Есть одна сцена в повести «Цейтнот», она написана рукой истинного мастера и прозрачна по мысли, когда Фуад становится невольным свидетелем, как несколько бандитов затащили в машину человека, чтобы увезти и убить. Он мог броситься на помощь, попытаться спасти, даже нарисовал в воображении картину своего подвига, а потом мученической, но такой прекрасной смерти. Увы, этот порыв продолжался всего мгновение. А потом наступила рефлексия, ему, правду, долго было стыдно своего малодушия, но он, как всегда, нашел оправдание. Молод, вся жизнь впереди, столько надежда, ну было бы одним трупом больше, ведь бандиты же... Тадеиран изрек, что надо больше всего бояться первого движения души, оно самое искреннее. Фуад после того, как прошел школу своего тестя Шовкю Шафизаде, старался в самом зародыше подавить в себе любое проявление доброты, искренности,

тайна мысли. У него, так он пытался всех уверить, не было и минуты, чтобы остановиться, оглянуться, он вроде бы все время находился в цейтноте. А на самом деле? Успел обзавестись красивой женой с влиятельным папой, успел получить прекрасную квартиру, пробиться на престижную должность, времени хватало у него на спичи по поводу приезда гостей и речи на траурном митинге, а выкроить часок-другой для отца и матери, для старых друзей ему недосуг. Цейтнот... Нет, не стоить к нему обращаться призыв: спешите делать добро.

«Круг» был написан в 1965-м. Очевидно, судьба Тахмины и Заура, как и сама природа их отношений, продолжали волновать писателя, и он вернулся к ним спустя девять лет в повести «Шестой этаж пяти-

этажного дома». Это по существу вторая часть «Круга», в ней рассказано о том, каким испытаниям подверглась любовь Заура и Тахмины, о разрыве, смерти Тахмины, женитбье Заура и его муках совести. «Цейтнот» роднят спервыми двумя повестями те же социальные проблемы. Есть немало общего и в образах Заура и Фуада. Та же склонность к рефлексии, та же эгоистичность мышления и готовность наступить на горло собственной песне, если это может помешать карьере, домашнему уюту и отношениям с сильными мира сего. Но тут уже объемное изображение, характеристика развернута и вглубь, и вширь, и приглушенные тона критики сменяются сарказмом, словами писателя обличения. Образу выстраивается так, чтобы показать, как может глубоко пасть человек, который вступил в жизнь без твердых принципов, без способности противостоять соблазнам, без веры в силу справедливости и добра. Да, конечно, между Тахминой, Зауром и Фуадом дистанция огромного размера. Но ведь в чем-то они сродни друг другу. В том, наверное, что замкнулись в своем небольшом мирке, и не волну-

ют их большие проблемы нашего бытия, что сдаются на милость победителя при первом серьезном жизненном препятствии. Тахмина, умеющая любить нежно и самозабвенно, презревшая мораль окружающих ее мешан и обывателей, оказывается совершенно неспособной к борьбе. Опалила крылышки и погибла. И в Зауре изначально зрел протест, и он однажды взбунтовался, но ведь его хватило только на один месяц. Что касается Фуада-маленького, то это уже нескончаемая цепь компромиссов со своей совестью. Может сложиться впечатление, что писатель где-то перегнул палку, сместил перспективу и за деревьями не увидел леса — то есть всего того положительного, что каждодневно являет собой наша жизнь. Это не так. Симпатии Анара на стороне настоящих людей — Фуада Салахлы и Октая, Курбана киши и Черкез арвад. И как в «Ревизоре», ошачающим, осветленным был гоголевский смех, так и в произведениях Анара утверждает нашу мораль, наши понятия о чести и достоинстве человека сама нравственная позиция писателя — наступательная, не ведающая компромиссов. * * *

В качестве переводчика «Круга» и «Шестого этажа пятиэтажного дома» выступил В. Портнов. «Цейтнот» — И. Печенев. Переводы авторизованные. Фантастическую повесть «Контакт» перевел сам Анар. Это хорошая проза, очень точно передающая дух и букву произведений, русский читатель почувствует силу наполненных смыслом и писательским призывом страниц, услышит интонации речи героев. Жаль, что вдруг в текст врываются расхожие «важные мероприятия», «планы, претворенные в жизнь» и другие такого же рода словосочетания из много лексического ряда. Звучат они диссонансом...

Марк ПЕЙЗЕЛЬ.
АНАР. «Контакт»,
Москва, «Советский писатель», 1980 г.

НРАВСТВЕННАЯ ВЫСОТА ПИСАТЕЛЯ

Заметки о сборнике повестей Анара „Контакт“

его выбрала девица уже немолодая, глупая и некрасивая, но с влиятельным папой и рукой в министерстве. И эта рука уже двинула двойника Заура вперед. Я вежливо раскланяюсь, и порой веду неторопливые беседы с одним знакомым архитектором. Этот человек где только смог изуродовал город своими безликими зданиями с велевыми башенками, лоджиями, он всегда держал нос по ветру, отдал дань всем модным течениям, всем новациям. Читаю «Цейтнот» и ловлю себя на мысли, что Анар описал моего знакомого. Ведь Шовкю Дямалович похож на него, как две капли воды — те же манеры, изысканность речи, та же любимая тема — добро, которым он одарил людей. А, может, Анар имел в виду совсем не того, о ком я думаю? Скорей всего не того, шовкю дямалович, ведь есть и среди писателей, и среди ученых. Думаю, что каждый читатель найдет в книге «своих» фуад-маленьких, и найматов, и дадашев музальмов. Восторга, правда, они у нас не вызывают, но ведь это реальность сегодняшнего дня. Мещанство, карьеризм многолики и обладают поразительными свойствами к адаптации. В борьбе с ними нужны и принципиальность, и решительность, но также необходимые такт, убедительность писательского слова.

Для всех нас совершенно очевидно, что миру нужно утверждать себя в медицине блестящими операциями, ученому — поразжающими дух открытиями, писателю — романами и поэмами. Анаром помечена, исследуется тен-

дочности. Ведь Фуад мечтал в свое время сделать свой город еще красивей и лучше. У него однажды хватило даже смелости выступить против отживших тенденций в архитектуре, которые утверждал в свое время маститый ученый.

Есть одна сцена в повести «Цейтнот», она написана рукой истинного мастера и прозрачна по мысли, когда Фуад становится невольным свидетелем, как несколько бандитов затащили в машину человека, чтобы увезти и убить. Он мог броситься на помощь, попытаться спасти, даже нарисовал в воображении картину своего подвига, а потом мученической, но такой прекрасной смерти. Увы, этот порыв продолжался всего мгновение. А потом наступила рефлексия, ему, правду, долго было стыдно своего малодушия, но он, как всегда, нашел оправдание. Молод, вся жизнь впереди, столько надежда, ну было бы одним трупом больше, ведь бандиты же... Тадеиран изрек, что надо больше всего бояться первого движения души, оно самое искреннее. Фуад после того, как прошел школу своего тестя Шовкю Шафизаде, старался в самом зародыше подавить в себе любое проявление доброты, искренности,